

Оглавление

Глава I.	Люси	5
Глава II.	На борту «Аргуса»	18
Глава III.	Спрятанные реликвии	31
Глава IV.	На первой странице «Таймс»	39
Глава V.	Могила в Вентноре	45
Глава VI.	Бегство	51
Глава VII.	Год спустя	58
Глава VIII.	Перед бурей	71
Глава IX.	После бури	84
Глава X.	Таинственное исчезновение	91
Глава XI.	Синяк на руке миледи	96
Глава XII.	Ни следа Джорджа	102
Глава XIII.	Тревожные сны	108
Глава XIV.	Фиби собирается замуж	115
Глава XV.	Настороже	123
Глава XVI.	Изгнание из рая	136
Глава XVII.	В трактире «Касл»	146
Глава XVIII.	Нежданная гостя	153
Глава XIX.	Надпись в книге	159
Глава XX.	Миссис Плаусон	172
Глава XXI.	Маленький Джорджи покидает свой дом	180

Глава XXII.	В тупике	194
Глава XXIII.	Клара	208
Глава XXIV.	Письма Джорджа	215
Глава XXV.	Расследование возобновлено	223
Глава XXVI.	Убедительные доказательства	240
Глава XXVII.	Начать с другой стороны	253
Глава XXVIII.	Умерла и похоронена	265
Глава XXIX.	На липовой аллее	275
Глава XXX.	Миледи подготавливает почву	294
Глава XXXI.	Просьба Фиби	307
Глава XXXII.	Зарево в ночи	321
Глава XXXIII.	Страшная весть	339
Глава XXXIV.	Миледи рассказывает правду	354
Глава XXXV.	Затишье после бури	370
Глава XXXVI.	Совет доктора Мосгрейва	383
Глава XXXVII.	Похороненная заживо	393
Глава XXXVIII.	В обществе призрака	405
Глава XXXIX.	Рассказ умирающего	420
Глава XL.	Нежданный гость	433
Глава XLI.	Мир	443

Глава I

ЛЮСИ

Поместье притаилось в ложине, что славилась первоклассным строевым лесом и роскошными пастбищами. К дому вела длинная липовая аллея, по обе стороны от которой зеленели пышные луга; пасущиеся там быки и коровы устремляли на путников пытливые взоры из-за высокой живой изгороди, словно интересуясь, что им нужно, ведь рядом не проходило никаких проезжих дорог, и если вы не направлялись непосредственно в Одли-Корт, то вам тут вовсе нечего было делать.

В конце аллеи возвышалась старинная башня с арочным проходом и диковинными, сбивающими с толку часами: их единственная стрелка каждые шестьдесят минут рывком перескакивала с одной цифры на следующую. Пройдя под сводами арки, вы сразу же попадали в сады Одли-Корта.

Перед вами расстилалась мягкая, шелковистая лужайка с рассыпанными там и сям кустами рододендронов — необыкновенно яркими и сочными, других таких во всем графстве было не найти. Справа — огороды, пруд с рыбой, фруктовый сад, окаймленный пересохшим рвом и полуразрушенной крепостной стеной, которая густо заросла плющом, желтой заячьей капустой и темно-зеленым мхом. Слева проле-

гала широкая дорожка, по которой в давние времена, когда здесь располагался монастырь, прогуливались рука об руку смиренные монахини. Стену окружали сумрачной завесой почтенные дубы, оживлявшие своими очертаниями плоский ландшафт.

Старый дом, выстроенный без всякого плана, стоял фасадом к арке, буквой П. Окна отличались невиданным разнообразием: маленькие и побольше, с массивными рамами и разноцветными витражами, со старинными хрупкими решетками, дребезжащими от малейшего дуновения ветра, и совсем новые с виду, словно появились только вчера. Над острыми коньками крыши возвышался целый лес дымовых труб. Создавалось впечатление, что в силу почтенного возраста и долгих лет службы они давно рухнули бы вниз, не удерживай их в своих объятьях вездущий плющ, добравшийся и до крыши. Парадная дверь втиснулась в угол башни, будто прячась от непрошенных гостей. При всем том она явно имела благородное происхождение — сработанная из старого дуба, обитая громадными железными гвоздями с квадратными шляпками, такая толстая, что на удар тяжелого металлического молотка отзывалась лишь невразумительным глухим звуком, и гости знали, что следует, не теряя понапрасну времени, прибегнуть к помощи колокольчика, скрытого в зарослях плюща: никакой стук не пробьется сквозь эту несокрушимую твердыню.

Славная, глубокая старина! Попадая сюда, посетители обычно приходили в неописуемый восторг и испытывали непреодолимое желание покончить с прежней жизнью и остаться здесь навсегда: разглядывать тенистый пруд, считать пузыри, когда плотва

и карпы подплывают к поверхности воды... Его величество покой возложил свою ласковую длань на каждое дерево и цветок, на сонный пруд и тихие аллеи, на темные углы старомодных комнат с широкими подоконниками за цветными стеклами, на сочные луга, даже на полуразрушенный колодец в кустах, праздный ворот которого давно уже никто не поворачивал, бечевка сгнила, а ведро обрело последнее пристанище на дне. Знатное место — дом, где немудрено заблудиться всякому, кто опрометчиво решит проникнуть в его тайны в одиночку. Ни одна комната не связана с другой, любое помещение переходит в другое, внутреннее, и через него можно выйти по узкой лестнице к двери, которая, в свою очередь, возвращает вас в самую неожиданную часть дома, от которой вы находились дальше всего. До такого не додумался бы ни один архитектор, это жилище мог создать лишь старый добрый зодчий — время. То пристроит новую комнату, то уберет другую, то разрушит очаг, помнивший династию Плантагенетов, и возведет на руинах камин в стиле Тюдоров, а то развалит стену времен саксонского владычества и пощадит арку, возведенную в эпоху норманнов. С годами дом обзавелся узкими высокими окнами времен королевы Анны, а в дополнение к трапезной времен Вильгельма Завоевателя получил столовую в стиле ганноверской династии. За одиннадцать столетий своего существования дом превратился в удивительный архитектурный феномен, подобного которому не найти во всем Эссексе.

Имелись в особняке и потайные комнаты, как же без них. Как-то в детстве дочь нынешнего владельца, сэра Майкла Одли, случайно обнаружила такую се-

кретную каморку. Девочка играла в детской, и вдруг у нее под ногами треснула половица, после чего обнаружилось, что там есть ступеньки, ведущие в тайную комнатку между полом детской и потолком комнаты, находящейся под ней. Тайник оказался настолько маленьким, что в нем можно было только лежать, однако там нашелся старинный дубовый сундук, а в нем лежало полное облачение католического священника, припрятанное в ужасные времена, когда принадлежность к этой религии грозила смертью.

Давно пересохший внешний ров зарос травой, нависшие над ним ветви плодовых деревьев отбрасывали причудливые тени на склон. По внутреннему периметру рва, как я уже говорила, был выкопан рыбный пруд, вдоль которого тянулась липовая аллея, так густо затененная кронами деревьев, будто сама природа устроила тут место для тайных свиданий. Невзирая на относительную близость к дому, здесь вы могли, не опасаясь разоблачения, хоть готовить государственный переворот, хоть обмениваться любовными клятвами.

В конце аллеи, в непролазных зарослях кустарников и сорных трав, прятался старый колодец. В свое время он хорошо потрудился: хлопотливые монашки собственноручно извлекали из его недр студеную воду. Потом он пришел в упадок, и никто в Одли-Корте не помнил, жив ли питающий его ручей. Несмотря на уединенность липовой аллеи, ею давно никто не пользовался в романтических целях. Прохладными вечерами сэр Майкл Одли частенько выходил на прогулку, дымя сигарой. У него под ногами вертелись собаки, а рядом выступала прелестная молодая жена. Однако проходило каких-нибудь десять минут,

и супругов начинал утомлять шепот лип над неподвижным прудом с водяными лилиями, и они возвращались домой, в гостиную, где миледи играла мечтательные мелодии Бетховена и Мендельсона до тех пор, пока супруг не засыпал в кресле.

Баронет Одли женился вторично три месяца спустя после достижения пятидесяти шести лет. Высокий, статный мужчина с глубоким звучным голосом и выразительными черными глазами, непоседливый, как мальчишка, и все еще считавшийся лучшим наездником графства, он чрезвычайно огорчился, глядя на свою седую бороду, выдававшую возраст. Сэр Майкл вдовел целых семнадцать лет, и его единственная дочь Алисия, которой недавно исполнилось восемнадцать, явно не горела желанием делить Одли-Корт с мачехой. С раннего детства мисс Алисия властвовала в доме безраздельно. Она носила в карманах шелковых передников все ключи, теряла их в кустах и роняла в пруд, причиняя тем самым немало хлопот домочадцам, и со временем свято уверовала в то, что на ней держится весь дом.

Однако с появлением мачехи власть мисс Алисии закончилась. Теперь, о чем бы ни просила дочь баронета экономку, та неизменно отвечала, что необходимо обратиться к миледи, и девушка получала желаемое только с согласия новой жены отца. Поняв это, Алисия, прекрасная наездница и неплохая художница, стала проводить большую часть времени на природе, гарцуя по зеленым лугам и заполняя альбом рожицами деревенских детей, а также изображениями коров, быков и всякой другой живности, попадавшей на пути. В отношениях с молодой супругой баронета она раз и навсегда взяла неприязненный тон,

и миледи, несмотря на все свое дружелюбие, не могла победить предвзятость юной падчерицы или убедить избалованную девчонку в том, что она не стремилась нанести ей личное оскорбление, выйдя замуж за сэра Майкла.

По правде говоря, это замужество представляло собой весьма выгодный союз, который неминуемо вызывал зависть, а то и ненависть представительниц слабого пола. Будущая леди Одли приехала в Эссекс, чтобы стать гувернанткой в семье врача, проживающего в соседней деревушке. Никто не знал о ней ничего, кроме того, что она прибыла из Лондона, откликнувшись на объявление доктора Доусона, помещенное в «Таймс». Единственная рекомендация удостоверяла, что мисс Люси Грэм работала учительницей в Бромптоне; впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы доктор Доусон принял девушку в свой дом и сделал наставницей своих дочерей. Оставалось лишь удивляться тому, что гувернантка со столь выдающимися и многообразными талантами согласилась на столь скромные условия. Мисс Грэм совершенно удовлетворяла ее положение. Она разучивала с девочками сонаты Бетховена, учила писать пейзажи с натуры и по воскресеньям ходила в скромную церквушку с таким умиротворенным видом, словно мечтала прожить так до конца своих дней.

Местные жители, понаблюдав за ней, решили, что девушка с таким добрым и легким нравом будет счастлива в любых обстоятельствах.

Где бы ни появлялась Люси Грэм, она несла с собой радость и свет. Когда она входила в бедную хижину, казалось, что под нищенскую кровлю заглядывает солнечный луч. Побеседовав с четверть часа

с какой-нибудь жалкой старухой, она так радовалась восхищению беззубой кошелки, словно все это время выслушивала комплименты от маркиза. Когда она уходила, не дав ни гроша (скромное жалованье не оставляло места щедрости), старуха посылала вслед такие похвалы ее благородству и доброте, каких не удостоивала и свою главную благотворительницу, жену викария. Мисс Люси Грэм обладала волшебной властью — очаровывать словом и опьянять улыбкой. Все вокруг ее любили и превозносили до небес. Мальчишка, открыв ей ворота, вприпрыжку бежал домой, спеша поведать матери, каким ангельским голосом поблагодарила его удивительная девушка за маленькую услугу. Церковный служка, провожавший ее до скамьи, где сидело семейство доктора, викарий, видевший ее нежные голубые глаза, устремленные на него, когда он читал проповедь, носильщик с железнодорожной станции, доставлявший ей время от времени письмо или посылку, не требуя вознаграждения, наниматель, его гости, ученицы, прислуга — все единогласно соглашались, что Люси самая замечательная девушка на белом свете.

Должно быть, слухи эти проникли в тихие комнаты Одли-Корта или сэра Майкл заметил миленькое личико девушки в церкви — так или иначе, он почувствовал вдруг неодолимое желание поближе познакомиться с гувернанткой доктора Доусона.

Он намекнул о своем желании достойному доктору, который устроил у себя небольшой прием, пригласив викария с супругой и баронета с дочерью.

В тот тихий вечер решила участвовать сэра Майкла. Он не мог более противиться очарованию голубых глаз, грациозной лебединой шеи и склоненной го-

ловки под водопадом пышных волос, тихой музыке нежного голоса, гармонии женской прелести, которой была с лихвой наделена эта девушка, не мог идти против судьбы. Да, это судьба! Никогда прежде он не любил. Брак с матерью Алисии представлял собой лишь скучную сделку, призванную сохранить имение в руках семьи. Никакие силы не могли раздуть слабую искорку любви к первой жене до яркого пламени. И вот пришла настоящая любовь — с томлением, сомнениями и беспокойством, с мучительным страхом, что возраст может стать неодолимой преградой на пути к счастью. Сэр Майкл вновь всеми фибрами души возненавидел свою седую бороду и почувствовал неистовое желание вернуть молодость, шевелюру цвета воронова крыла и тонкую, как двадцать лет назад, талию. Потекли бессонные ночи и унылые дни, которые скрашивало только любимое лицо, случайно мелькнувшее в окне, когда баронет проезжал мимо докторского дома. Все эти многочисленные симптомы указывали на горькую правду: в солидном, трезвом возрасте пятидесяти пяти лет сэра Майкла Одли поразил ужасный недуг, именуемый любовью.

Вряд ли баронет, ухаживая за девушкой, сознательно рассчитывал на свое богатство и положение в обществе. Если подобные мысли и приходили ему в голову, то он гнал их прочь, содрогаясь от отвращения. Мысль о том, что очаровательное и невинное существо способно прельститься домом и титулом, приносила ему невыносимые страдания. Нет, он надеялся, что молодая девушка (никто в точности не знал, сколько ей лет, однако предполагали, что чуть более двадцати), не видевшая в жизни ничего, кроме

тяжкого труда и зависимости, еще ни к кому не испытала глубокой привязанности и он, первый мужчина, окруживший ее нежной заботой, вниманием и покровительством, напомним ей отца, которого она, вероятно, потеряла, сумеет стать необходимым, завоевать ее сердце и заполучить руку. Несомненно, то были романтические грезы, и все же нашему герою подобное развитие событий казалось вполне реальным. Что касается Люси Грэм, то она словно не замечала авансов баронета и никогда не прибегала к уловкам, которые применяют женщины, стремясь поймать в свои сети богатого мужчину. Она привыкла к всеобщим восторгам, и поведение сэра Майкла не производило на нее особого впечатления. Опять же, сэр Майкл вдовел так долго, что никто уже и не чаял увидеть его под венцом второй раз. В конце концов миссис Доусон решилась заговорить об этом с гувернанткой. Они сидели в комнате для школьных занятий. Супруга врача держала в руках вышивку, а Люси наносила последние штрихи на акварельные наброски учениц.

— А известно ли вам, дорогая мисс Грэм, — промолвила миссис Доусон, — что вы должны считать себя редкой счастливицей?

Гувернантка подняла прелестную головку от акварели и удивленно взглянула на хозяйку, тряхнув золотистыми кудрями. Когда на них падало солнце, эти восхитительные кудряшки, мягкие и пушистые, обрзовывали сияющий нимб вокруг ее головы.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, погрузив кисточку из верблюжьей шерсти в аквамарин на палитре и осторожно проведя ею по лиловой полосе, чтобы подчеркнуть линию горизонта на рисунке.